

Юозас БУДРАЙТИС:

ЕСЛИ МЕНЯ ТОЛКАЮТ В МАГАЗИНЕ, ТО, КОНЕЧНО, ТОЛЬКО ЖЕНЩИНЫ

Вечерний клуб - 1998. - 10 сент. - с. 7

Говорят, что актер перестает быть актером только тогда, когда его забывает последний зритель. Юозас Будрайтис невольно завершил свою артистическую карьеру, приняв предложенную ему роль советника по культуре посольства Литовской Республики в России. Но мы помним его как актера — тонкого и обаятельного.

— Юозас Станиславович, я часто вижу вас в театрах, на концертах и выставках. Это меняется вам по службе?

— Иногда обязанность, но чаще всего — голод по ощущениям от соприкосновения с чем-то новым. Это любопытство просто идет. Сегодня мне радостно наблюдать, что российское кино постепенно, скрипя, но все-таки набирает обороты. Хорошо, когда приходят люди, способные к организаторской работе, — я имею в виду Никиту Михалкова. Думаю, он сумеет поставить на должный уровень развитие не ширпотреб, а настоящего кино. Нельзя же третьесортным американским бараклом кормить всех. Русский человек без своего русского кино просто невообразим.

— Как вы относитесь к обилию фестивалей, призов, награждений. Это своеобразная игра или действительно оправдано талантами?

— Ну что в этом плохого? Человеку дают приз какой-то — ну и слава Богу. Это же лучше, чем если бы его вообще не заметили.

— Возвращаетесь мысленно в свою кинематографическую жизнь?

— А зачем? Бывает так, что человек живет какими-то прежними своими достижениями, смакует их. Нет, я, когда понял, что кино кончилось, без всяких сантиментов отрезал все, как будто этого и не было! Я вырезал кусок жизни в 30 лет — от юридической карьеры до сегодняшней моей работы, — как будто бы это был другой человек.

Это как прошедшая огромная любовь, которую стараешься изъять из души, чтобы себя не мучить воспоминаниями.

— И все же давайте ненадолго вернемся в прошлое. Вы в кино пришли по призванию?

— Нет, это была случайность: пригласили на роль, причем сразу в «Никто не хотел умирать». Потом пошло-пошло... А теперь меня как будто никто не знает — какие-то эпизоды предлагают. Как будто я должен опять доказывать что-то... Я знаю, что никогда нельзя говорить «никогда» — все бывает в жизни, но, если говорить откровенно, профессию актера я не люблю. Даже друзей среди актеров у меня почти нет. Актер — это человек, который не имеет другого способа самовыражения, как только грубо, попросту говоря, кривляться. Он по-другому не умеет. Он хочет что-то сказать, но сам не может — непременно словами какого-нибудь персонажа. Страшное самолюбование. И в то же время объяснить: без этой самолюбленности он не сможет «заражать» других.

Для меня сцена всегда была местом покаяния, исповеди, молитвы. Но единственное, что я вынес из работы в театре, — это отупение. Совершенно не было времени для восприятия жизни, для познания своих чувств, потерялась свежесть прочтения литературы. Театр приносил ощущение «кокона», который мешал сопереживать миру. К счастью, идет процесс возрождения настоящего театра — театра как игры, театра как переживания в этой игре — из

провинции, снова из провинции...

— Что в этой жизни приносит вам душевный комфорт: семья, любовь, музыка?

— Я — улавливатель мгновений: забрасываю сети и ловлю мгновения, которые меня приводят в некоторого рода транс, когда хочется петь, что-то совершить. Это зависит от какой-то предрасположенности, душевного настроя, чтения, прослушивания музыки, прогулки. Я не люблю гулять вообще, но бывает прогулка, заряжающая каким-то энергетическим излучением, которое дает возможность работать с радостью, с праздничным настроением.

— А что более всего раздражает?

— Очень больших требований к этой жизни у меня нет. Меня удовлетворяет малое. Поэтому нет и раздражений.

— Вы ведь почти москвич: во время съемок подолгу жили в нашем городе...

— Самое длительное пребывание было связано с учебкой на Высших режиссерских курсах у Жалакявичюса.

— Не показалась ли вам уютной современная Москва?

— Мне уютно всюду, если у меня хороший настрой. На меня сильно действуют большие города — такие, как Нью-Йорк, например, я люблю в них «потеряться» и чувствую себя при этом очень хорошо. И в Москве мне приятно. Здесь живут очень интересные люди. Жаль, что прошло время простых человеческих отношений, какие были, ска-

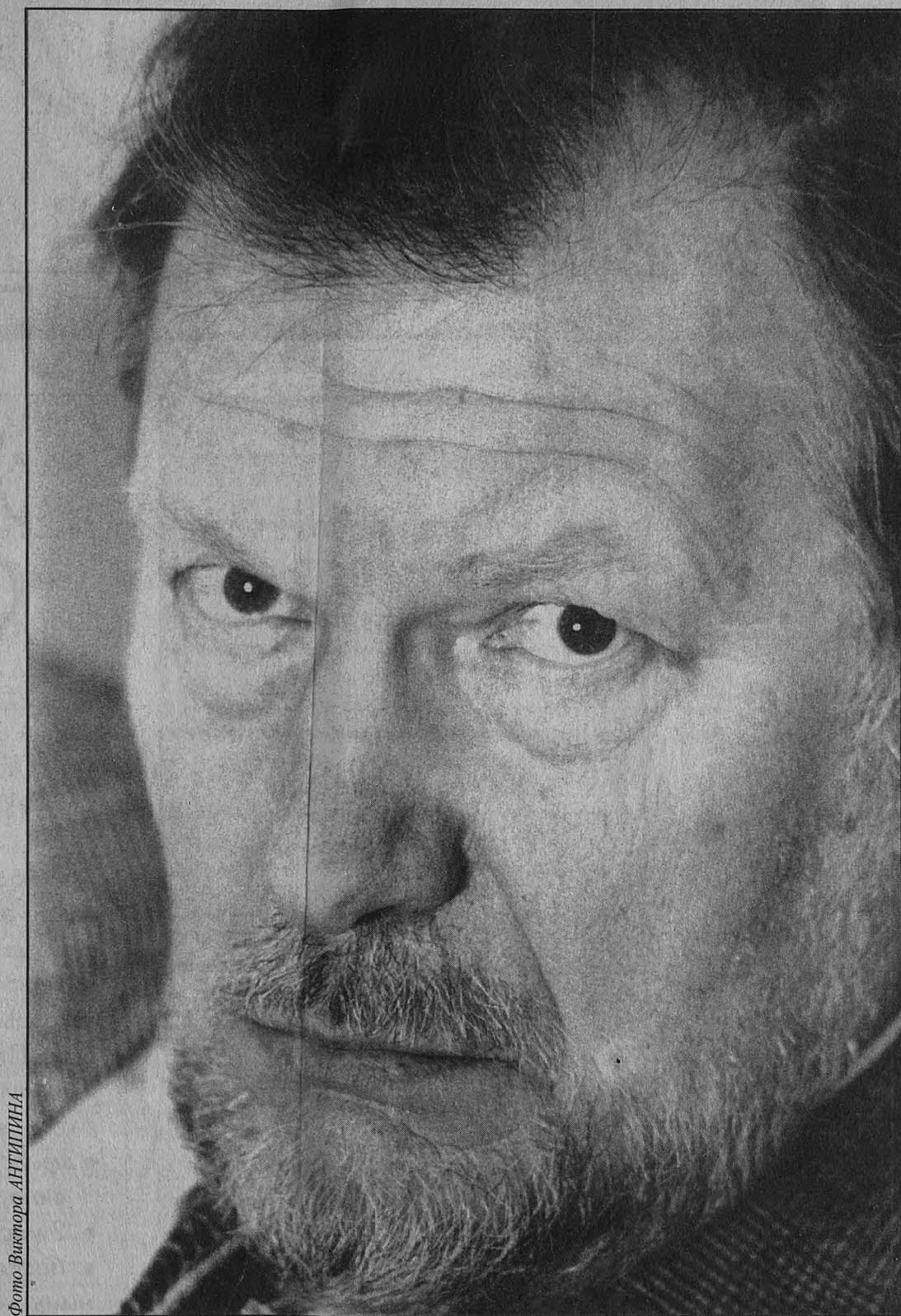

Фото Виктора АНГИЛИНА

жем, в период процветания театра на Таганке: вечеринки, посиделки с гитарой, одна бутылка вина на десятерых, разговоры непрерывные, — такой нерациональный подход к жизни. Теперь же довольно ярко выражено «новое» этическое правило: выгоден или не выгоден контакт для карьеры. Создалась определенная иерархия в обществе, и это реальность, и никуда от этого не денешься, и тоже не надо делать из этого проблему — я, если захочу пообщаться, всегда найду родственную душу.

освобожденную от такого рационализма.

— Как ценитель прекрасного, вы, наверное, уловили собирательный образ москвички?

— Раньше такой ответ у меня был. Но сегодня я даже не знаю где его искать. Москвичка... Прежде я никогда не замечал такого явления, как девицы легкого поведения. Теперь все это открыто, и как-то странно видеть красивых девушек, выжидающих клиентов, молодых девушек, которым только украшать и укра-

шать собою чью-то жизнь. Конечно, есть и прекрасные женщины, которые понимают, что красота не только в смазливом личике, но и в отношениях, в душевном настрое. А что вокруг? Если меня толкнет кто-нибудь в магазине, то, конечно, только женщина. Удивительно, что самое нежное создание оказывается самым грубым. В общем, раньше я дежурно отвечал: да, замечательные москвички! Сегодня сказать этого не могу.

Встречался
Юрий КЛИМЕНКО